

ПОЗНАВАЯ СВОЕ ВРЕМЯ

Александра Шушенькова я знаю не одно десятилетие. Более того, я был свидетелем его удивительной трансформации из инженера-сантехника в «инженера человеческих душ» и всегда удивлялся многогранности и своеобразию его талантов. Журналист, поэт, писатель, художник, музыкант, фотограф, режиссер-оператор видеосюжетов. Лауреат многочисленных международных, всероссийских и региональных творческих конкурсов. Только в прошлом году завоевал призы на международных литературных конкурсах «Дом российских немцев», «Австрия в рифму», организованных представительством ЕС в России, посольством Австрии с порталом «Европульс». На престижных смотрах отмечены его фантастика и несколько видеороликов.

Он как будто всей своей жизнью следовал заветам Конфуция: «У человека нет более высокого призвания, чем воистину осознать себя человеком и стать творцом культуры — единственной реальности, которая целиком и полностью создается людьми». За последние два года у него вышли в свет сборник поэзии «Ничуть не изменился белый свет», книга рассказов «Сон разума рождает...», роман «Бесконечная жизнь майора Кафкина».

В жанровом отношении стихотворная книга отличается многообразием: частушки, посвящения, песни, поэмы, редчайший сегодня жанр — басни.

Как моду на шуты ввели,
Им позволяют короли
В свой адрес шуточки — отгадка здесь проста:
Всегда с древнейших самых пор,
Короне был врагом топор
В руках народа, но — отнюдь, не смех шута!
Грозит короне шут, народ смеется...
У королей — власть, сила остается!

В прочитанном узнаешь наше время, многие строчки рождают ответные чувства и мысли, которые ранее подспудно зрели, волновали, тревожили. Подкупает искренняя, честная гражданская позиция автора.

Что же касается прозы Александра Шушенькова, то не так часто сегодня творчество воронежских литераторов, тем более не членов профессиональных писательских союзов России, достаивается внимания московских издателей. В 2019 году столичный «Центрполиграф» выпустил роман Александра Шушенькова «Бесконечная жизнь майора Кафкина».

Интригующий коллаж на глянцево-твердом переплете, авторское предисловие четко определяют жанр романа — фантастика. «Не верь, читатель! Не было ничего из того, что описывается ниже! Не было этого, да и быть не могло!!! Хотя... Может быть, случилось это все ж в одной из бесконечных вселенных? И, кстати, кто сказал, что они не пересекаются?..»

Нестандартный сюжет захватывает удивительными трансформациями главного героя, его путешествиями во времени и пространстве. Впечатляет изображение автором с присущими ему иронией и сатирой сегодняшней жизни, что, без сомнения, увлечет читателей разных возрастов и мировоззрений. Фантазия, легкость и образность живописания, языковое богатство и свобода, широкие познания в философских и научных учениях также подчеркивают талантливость писателя. Но за внешней непринужденностью, легкостью, за кажущейся нереальностью и виртуальностью выступает главное — автор ставит вопросы, волнующие человечество на протяжении всей его истории: в чем смысл бытия, бессмертна ли душа, сможет ли человек жить вечно и нужно ли ему это? Роман отражает глубокие социально-экономические и социокультурные изменения в нашей жизни.

Все вышесказанное о романе можно с полным правом отнести и к сборнику прозы «Сон разума рождает...» Он так же интересен и познавателен, как и роман. Лучшие в нем новеллы, на мой взгляд, — «Пляж» (реалистическое отражение сегодняшнего дня), «Взломанное будущее» (фантастика), «Запечник» (фантази). Привлекает внимание и рассказ «Длиннохвостый Михалыч». Будь побольше в нашей жизни солнца и радости, наверное, и произведения нашего земляка были бы не так критичны и пессимистичны.

Нужно подчеркнуть: творчество Александра Шушенькова не бездушная фиксация происходящего, а проникнутое чувством, мыслью, наитием отражение нашей действительности или взгляд в будущее, которое она формирует сегодня. Реабилитировать гуманистические ценности, право человека на свободу чувств, действий, когда можно не бояться быть смешным, не сковывать себя условиями жестких правил и догм — на это нацелены его произведения. Я уверен, познакомившись с творчеством этого незаурядного автора, читатель обязательно найдет то, что его волнует: узнаваемое и пережитое, востребованное разумом и сердцем.

Анатолий ХАБАРОВ

Время идет, века бегут, годы летят, но по-прежнему, как писал когда-то Николай Васильевич, нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере — в Петербурге! А в Москве, вероятно, нет ничего лучше Арбата, а в Сочи... А во Владивостоке... А в Ростове...

Эх, да что говорить, везде на просторах нашей хранимой Богом державы есть места, милее которых и нет ничего! Радуют они глаз и сердце, извлекают из души небесные звуки, так что, едва вступишь на такую землю (или асфальт), а уж немедленно хочется стать мудрым, как светоч земли русской писатель Проханов, или бескорыстным, как филантроп Абрамович... Незримая сила тотчас пробуждает дремлющие в нас токи, и становимся мы сравнимыми по благородству со знаменитыми телеведущими политических ток-шоу, отзывчивыми, как депутаты-законодатели, вежливыми, словно высокопоставленные труженики Министерства иностранных дел, и даже — сентиментальными, подобно работникам прокураторы и суда, вместе взятым.

Хорошо тем, кто живет в подобных райских куцах или — рядом с ними! Нет там очередей, кислотных дождей, да криков: «Пшел вон, скотина!», зато воздух наполнен ароматами цветов и духами прелестных дев; и еще — отражают капельки на свежеполитой газонной траве голубое небо и яркое жизнерадостное солнце. Ходят здесь, раскланиваясь, почтенные отцы семейств; благородные дамы; чиновники — ответственные вершители судеб страны; подающие надежды юные патриоты; трудолюбивые пролетарии; заслуженные ветераны; ответственные финансисты; культурные работники силовых ведомств; высокоинтеллектуальные спортсмены и певицы...

Они говорят о светлом настоящем и прекрасном будущем любимой Родины; они анализируют бессмертные киношедевры Михалкова и достижения отечественной космонавтики во главе с великим покорителем пространств Рогозиным; они делятся мнением о геополитике и итогах «Евровидения»; они рассуждают о сокрушительно-победоносном выступлении футбольной сборной на чемпионате мира и строительстве новых подводных ракетноосцев...

Ах, до чего же хороши многообразные наши невские проспекты!..

Увы, но не везде пока в Отечестве процветают подобные идиллии, и сохранились еще кое-где иные места. Некоторые называют их «провинцией», некоторые — «глубинкой», некоторые — «окраиной», а отдельные несознательные граждане — совсем уж разнузданно и грубо — «дырой». Но, позвольте, какая же это «дыра»? Оттого, что вместо искусственного асфальтобетона дороги там состоят из его осколков, или же вовсе образованы природным тучным черноземом (а то и гостеприимно-вязкой глиной)? Оттого, что обильно покрыта местность окурками, опустошенными пластиковыми бутылками, шприцами со сломанными иглами? Оттого, что лежит иной раз в кустах неопределенный гражданин и высказывает определенное неодобрение существующей действительностью? Оттого, что жители не ездят в метро, не ходят еженедельно в Большой театр или Эрмитаж, не наблюдали живого Хазанова, плохо знакомы с теориями философа Дугина и не могут быстро и точно сформулировать русскую идею?..

«Эка беда, — сказал бы буревестник Алексей Максимович. — И не такое видали!»

Подобный уголок найдется везде, и даже в самом славном городе Петербурге существуют — как ни удивительно! — дворы, в которых зда-

ния имеют стены без изразцов и мраморного сайдинга, а земля полита не небесной амброзией, а тем, что имеет обыкновение собираться в мочевых пузырях граждан.

Велика Россия, а потому всякие уголки и даже «медвежьи углы» можно найти на ее карте. И не следует высокомерно отмахиваться от них, пусть и не пахнет там одеколонами Диора, и не говорят тамошние жители «бонжур» или «аморе миа», предпочитая родные и крепкие собственные слова.

Впрочем, окраина — понятие не только географическое, но и — духовное.

Алексей Алексеевич Сапожкин, житель города...

Хотя какая разница, как называется сей город? Чем он лучше или хуже других подобных? Обычный населенный пункт — не велик и не мал... Назовешь его, а потом грехов не оберешься: скажут жители, или, положим, местный градоначальник: что ж, вы, любезнейший, пишете о нас без согласования? Отчего не направили текстишко на предмет рассмотрения по инстанциям? Почему не отразили наши достижения в плане демографии? Где ссылка на процент повышения охвата населения? Как обошлись без упоминания лучших людей? А успешное выполнение нами Указов? А снижение уровня заболеваемости свинкой? А?

Нет, воистину прав был Николай Васильевич, когда остерегался упоминать даже названия департаментов в своих сочинениях. Ну, а уж, коли классик обходился таким образом, что ж делать остальным? Зачем будем мы рисковать ненароком обидеть или просто смутить чей-нибудь внимательный начальственный глаз?

Итак, в одном из обычных городов проживал Алексей Алексеевич Сапожкин. Да-с, именно вот так, по-простому, без вычурности, он назывался. Фамилия, может быть, и не звучная, но вполне исконная, народная. А имя получил он в честь родителя, которого, впрочем, никогда не видел — так уж, как говорила ему матушка впоследствии, сложились звезды.

К описываемым событиям вырос он в обычного добропорядочного гражданина: рост имел средний; внешность — обыкновенную (не красавец, но и не урод), без лишнего жира; болезнями тяжелыми обременен не был; в пороках участия не принимал; по уголовным делам не привлекался. Такой образ, одним словом, имел, что в наилучшей степени подходит для работы в разведке. Впрочем, был Сапожкин сугубо штатским лицом.

Сразу после окончания техникума стал он работать слесарем-сантехником в жилищно-эксплуатационном учреждении, каковое за долгие годы многократно меняло название, сохраняя, впрочем, самую сущность свою.

Сапожкин пошел в эту профессию не из любви к ремонту кранов и унитазов, а просто оттого, что в силу некоторой природной неспешности ума и склонности к созерцательности не мог в полной мере постичь глубину школьных предметов. Оценки он имел обычно хорошие, но, увы, недостаточные, чтобы претендовать с ними на поступление в высшее учебное заведение. Да и то сказать, ведь склонности-то ни к чему он в себе особой не замечал. Даже милиционером или пожарником стать не мечтал!

Больше всего с детства любил Алеша читать, а это — не профессия.

Читательство, оно ведь чем хорошо? Сидишь себе с книжицей где-

нибудь в укромном уголке, никому не мешая — и тебя никто не трогает. Вроде бы и ничего не делаешь, а если вдуматься? То путешествуешь под землю к динозаврам с героями повести Владимира Обручева, то преступление самолично вместе с Шерлоком Холмсом распутываешь, то человеком-невидимкой становишься...

То ли чтение и постоянная уединенность, то ли просто природная стеснительность стали тому причиной, а только, взрослея, оставался он по-детски робким, не умеющим общаться со сверстниками и конфузившимся сверстниц. В то время, как другие делали первые любовные ошибки, он с чистой совестью переживал их в книгах. И хлопот никаких при этом!

Хотя... Нет, все-таки против правды, как говорится, не попрешь! Приходится признать, что и Сапожкина не миновали обычные природные позывы.

Была, была и в его жизни любовь! Но, увы, безответная.

В возрасте этак девяти-десяти лет влюбился он в Наташу — самую красивую девочку в классе. Но дергать ее за косички, понятное дело, избегал, а по-другому обратить внимание на себя не мог. Только краснел да взгляд пугливо отворачивал, если вдруг доводилось случайно общаться с ней, или же нечаянно прикоснуться.

Да-с, против физиологии не попрешь, судари мои, даже и в век электроники и высоких скоростей!

Уже потом, чуть позже, когда осознал, что не дано ему быть Онегиным, успокоился и изжил в себе первую любовную страсть Сапожкин. А в отрочестве понял, основываясь на опыте литературных героев, что бурные чувства и активность излишняя только вредят человеку, толкают его, как какого-нибудь Ленского или Печорина, к опасностям, причем порой — смертельным. А вот Премудрый Пескарь — он всегда в духовном спокойствии пребывает!

Мать-одиночка, занятая добычей денег, была довольна примерным сыном, не доставлявшим ей забот. Когда встал вопрос о его будущем, то дядя — рассудительный заместитель главного метролога местного завода металлоизделий, посоветовал избрать профессию сантехника. Во-первых, она всем нужная. Во-вторых, доход обеспечен. В-третьих, работа эта обычно индивидуальная. Пришел, починил, получил трешку и — гуляй, рванина! Опять же на магарыч и книжку купить новую можно!

Конечно, в те давние уже годы купить подобный товарец можно было, но что это были за книги? В магазинах-то что Чехова, что Гоголя, не говоря уже о Жюле Верне или Иване Ефремове — не достать! А на материалы очередного съезда КПСС тратиться не хотелось. Слава Богу, выручали библиотеки да читальные залы. Благодаря им Сапожкин прочел литературы великое множество. Зрение, конечно, сильно подпортил — оттого и в армию не взяли.

Так вот и покатила его жизнь, разматываясь, как клубок начинающей прядильщицы. Работа, дом, библиотека. Тихий размеренный образ существования. И главное — без всяких проблем-забот. Сверстники — кто в армии отслужил, кто — вуз закончил, кто — сел кое-куда. Потом стали жениться, потом у них дети пошли, потом — разводы.

Летали в космос корабли, строились новые панельные дома, снимал комедии Эльдар Рязанов, шли к песенным вершинам Лев Лещенко да Алла Пугачева, а Сапожкин неспешно ремонтировал ванны и смывные бачки, заменял раковины с унитазами, да читал-почитывал книги. Теле-

визор он, впрочем, чтобы быть в курсе успехов страны, тоже просматривал. И программу «Время», и новости обычные. Там сообщалось о новых домах, о росте удоев, о привесах и сверхплановых процентах, и это радовало, хотя не всегда можно было купить ту колбасу, что показывали в телевизоре.

Потом, правда, и телевизор колбасу перестал показывать.

Годы входили в аллюр и неслись, как мысли-табуны певца-акробата Газманова, ставшего любимым артистом Сапожкина, а он знай себе работал да мечтал о пенсионном времени, когда ничто уже не будет отрываться от книжных историй.

Мать умерла; строй социальный в стране поменялся, да и название ее тоже; вместо Генерального секретаря главным начальником стал Президент; в мир вместе с Интернетом вошла и обжилась в нем виртуальная реальность; волосы на сапожкинской голове из черных стали седыми да редкими; кое-кто из сверстников-одноклассников в могилу отправился; телевизоры стали плоскими, как коровья лепешка... Снова в новостях стали передавать о трудовых достижениях Отечества, чему явным свидетельством стали многочисленные импортные дорогие машины на улицах, да появившаяся на прилавках колбаса разных сортов.

Главное же — со временем стали доступными для приобретения книги на любой вкус. А деньги у Сапожкина, благодаря его трезвости и неразвратности, всегда имелись. Жил он степенно, зря на улице не выходил, с Интернетом не знался, телевизор новый и модный не приобретал, даже телефоном обходился обычным, домашним — безо всякой его мобильности; зато уж литературы набирал так набирал!

И однажды настал для него самый радостный жизненный момент. В субботнее июльское утро стал он пенсионером и, пробудившись, с невыразимым наслаждением подумал, что отныне уже не придется заниматься постыло-привычным кручением муфт и гаек, а можно будет полностью посвятить себя чтению.

* * *

Лето выдалось крайне жарким.

Впрочем, бывали подобные сезоны и в другие годы, но тогда Сапожкин — вследствие специфики работы — большую часть времени проводил в подвалах, да ваннных и туалетных комнатах, где бывало прохладно. В выходные же дни он по привычке ходил в читальный зал, расположенный на первом этаже древнего четырехэтажного здания с толстыми стенами. Благодаря им даже без кондиционера зал книгохранилища поддерживал идеальный температурный баланс в самое знойное время, и, таким образом, Сапожкин легко и незаметно для себя переносил надвинувшийся парниковый эффект.

Выйдя же на пенсию, он получил возможность проводить жизнь уже не в подвалах да ваннных-туалетах, а у себя в квартире на пятом этаже. А пятый этаж, к прискорбию, располагался под чердаком с оцинкованной крышей, которая — будь она неладна! — жутко накалялась и передавала тепло ниже. Это обстоятельство Сапожкин отметил не сразу. Вначале он — после сытного пенсионерского завтрака — в блаженном состоянии устроился на диване с «Петербургскими повестями» Николая Васильевича Гоголя. Потом стал, в который уже раз смакуя каждое слово, неспешно перечитывать «Шинель».

«В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество»...

Ведь как писал человек, восхитился в который уже раз Сапожкин. Что ни фраза — как удар воды из смывного бачка! Блеск! И отчего теперь уже нет подобных ни ему, ни Антону Павловичу, ни Федору Михайловичу, ни Льву Николаевичу?.. Где они — современные салтыковы-щедрины, тургеневы, герцены? Кто *нынешним* мешает? Какой язык, Бог ты мой! Вот был бы я таким талантливым, вот я бы уж точно отразил бы...

Он продолжил чтение классика, перемежая абзацы убедительными рассуждениями с самим собой о гениальности одних и тупости других. Впрочем, тупость, это, конечно, слишком сильно сказано. Не мог Сапожкин в силу природной учтивости и приобретенной культурности так выражаться! Имел он в виду, собственно говоря, не «тупость» как таковую, а некоторую недалекость, неспособность нынешних мастеров слова выражаться сочно и глубоко.

Так дошел он до описания зловещего эпизода, когда в морозную ночь был ограблен петербургскими подонками скромный коллежский ассессор Акакий Акакиевич:

«...Он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и, опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого черта бежит к нему издали и кричит человек».

И тут вдруг, неожиданно для себя, ощутил Сапожкин, что ему жарко. Эге, подумал он, вот ведь какая штука. У Гоголя человек от холода страдает, а меня-то, — того... Припекает! Вот тебе, матушка, и июль!

Он подошел к балконной двери и открыл ее, желая прохладить комнату, однако получилось не слишком хорошо. С улицы дохнуло в квартиру жарой, и новоявленный пенсионер с неудовольствием вынужден был дверь прикрыть.

Однако!

Беда состояла еще и в том, что обе комнаты его квартиры, как и кухня, по воле архитектора-строителя, располагались на солнечной стороне. Конечно, был в этом решении проектировщика известный плюс, который особенно явственно проявлялся в морозные зимние дни. Но вот летом...

Он прошел на кухню и посмотрел на столбик термометра.

Закопанный прибор показывал тридцать один градус. Конечно, это на солнце. Но ведь и десяти часов еще нет! Что же будет дальше, к полудню? Идти в читальный зал? Но это же совершенная нелепость! Нонсенс, как писали раньше в романах. При наличии собственной квартиры и свободного времени тащиться в читальный зал лишь затем, чтобы спастись от жары?

Чепуха!

Как быть?

Этак ведь и изжарится можно!

Может, пойти на пляж?

Там существуют деревья и кусты; можно взять с собой книгу, устроиться в тени... Если будет жарко, всегда есть вариант окунуться.

«А, пожалуй, это правильное решение», — подумал Сапожкин.

Опять же, пора пришла стать ближе к природе, к естеству. За работой-то все недосуг было, и пляж он посещал чрезвычайно редко. За всю жизнь, можно сказать, случилось это лишь несколько раз.

Да и что там ему было делать? Одному, без друзей?

Ну, пришел. Ну, искупался. Поплавал. А дальше? Загорать? А зачем? Какой смысл в этом? Ну, станет кожа не белой, а — коричневой. И — что? Чепуха!

К тому же сынолюбивая мать ненавязчиво внушила ему пагубность разврата и голых пляжных тел. Кому, как не ей, было понимать, насколько опасна ее сестра-женщина для неокрепшего невинного юноши. Поймает какая-нибудь аферистка Алешу в сети, и — все, пиши пропало! Женит на себе, и уйдет любимый сын навсегда.

Посредине города протекала река, из которой еще в доперестроечные времена путем запруднения для приема и разбавления канализации от растущих промышленных предприятий было образовано водохранилище. С тех пор, как говорится, много сточной воды утекло, жители полюбили свое «море», и сделалось оно лучшим местом их отдыха.

В советские времена городские власти окультурили левобережные пляжи, установили на них скамейки и солнезащитные декоративные грибки, и даже кое-где вкопали столбы, дабы, натянув на них волейбольные сетки, трудящиеся могли полезно проводить досуг. Песчаные берега, поросшие деревьями и кустарниками, местами плотно граничили с жилыми домами, местами же были отделены от них лишь неширокой автомобильной дорогой.

Лучшим и наиболее оборудованным пляжем был тот, что соприкасался с парком «Алые паруса»; последний состоял из искусственно высаженных сосен и елок, имел разветвленную сеть асфальтированных дорожек для прогулок, скамейки, а также несколько аттракционов для развлечения детей и продуктово-питьевые киоски. Молодые мамы любили гулять с колясками по дорожкам, да и вообще, было там удобно отдыхать с детьми.

Парк и пляж располагались рядом с густонаселенным районом, а потому приходили граждане сюда в погожие дни и поодиночке, и с друзьями, и целыми семьями, чтобы отдохнуть да набраться сил для новых подвигов во славу любимой Родины. Жарились на пляже шашлыки после напряженного трудового дня, принимались различные напитки в честь прекрасных дам, велись душевные разговоры под звон гитарных струн и дымок костра. А уж по выходным берег был и вовсе заполнен народом, ибо к взрослым отдыхающим присоединялась также детвора...

Именно рядом с означенным местом жил Сапожкин — всего-то в пятнадцать минутах ходьбы от дома — к нему он и направился.

Было около одиннадцати часов дня, а дневное светило нещадно палило из синевы, лишенной даже мельчайших тучек.

«Над всей Руссией — безоблачное небо», — подумал отчего-то Сапожкин, придирчиво выискивая на пляже местечко в тени деревьев; так, чтобы от воды недалеко оказаться. Дело это, на первый взгляд простое, решилось не сразу — и не только из-за пришедших ранее сограждан, но также и по причине разного рода посторонних предметов, изобильно присутствующих на пляже: остатков пищи, бутылочного стекла, рваных полиэтиленовых пакетов, каких-то тряпиц...

Да, не просто иногда бывает место найти не только под солнцем, но и — в тени!

Все же заметил новоявленный пенсионер между ивами не занятое никем и уютное травяное пространство, на котором расстелил принесенное покрывало, а затем и устроился на нем, обнажившись в меру дозволенного.

С водной глади тянуло приятным ветерком, и теперь можно было в комфорте предаться любимому занятию. Он открыл томик с обожаемым «Невским проспектом» и не менее получаса наслаждался слогом великого писателя земли русской. А жара, однако, стала еще ощутимей, такое обстоятельство побудило Сапожкина отложить книгу и направиться к воде.

Тут он получил возможность лучше рассмотреть пляжное общество.

Сразу удивило его, что огромное число людей в эту жару находилось на открытых местах под прямыми солнечными лучами. Особенно странным показалось ему поведение многочисленных женщин с явными излишками веса, которые лежали в неподвижности, или стояли с закрытыми глазами да раскинутыми руками; было очевидно, что они истекают потом. «Неужели это приносит им удовольствие», — с недоумением подумал он и стал присматриваться к другим персонажам, все более открывая для себя новый мир.

Что же это был за мир?

Обнаружил он земляков, по двое или по трое сидящих под деревьями и ведущих неспешные разговоры; в руках у них поблескивали бутылки и стаканы.

Узрел он пару одиноких граждан в одежде, которые с конспиративно-отсутствующим видом выглядывали из кустов.

Бросился ему в глаза молодой господин в спортивном костюме, украшенный черными очками, что брел неспешно с переброшенной через плечо сумкой, периодически останавливаясь перед лежащими женщинами.

«Однако, — подумал Сапожкин, — сколько тут интересных типажей! Ведь какое раздолье для Сухово-Кобылина или Островского!»

Вот, пожалуйста, еще пара энтузиастов загара с вытирающими животами и максимально закатанными в виде плавок семейными трусами стоят да беседуют, успевая при этом покручивать головами в разные стороны. Вот почтенный худой старик возлег недалеко от двух девиц и старательно делает вид, что не смотрит на них. Вот бредет среди полуголых тел пара шатающихся и внимательных молодых мужчин с синими рисунками на тощих загорелых фигурах...

Поближе к воде было многолюдно. Здесь располагались на небольшом расстоянии друг от друга и одинокие фигуры, и компании. Загорелые дамы и господа играли в карты, поливали водой друг друга, пили напитки различной крепости и вели неспешные интеллектуальные беседы.

Подходя к ним, стал он улавливать и обрывки разговоров:

— ...мне бы Андрусика Малахова живого увидеть — и больше ничего в жизни не надо!

— ...точно, точно. Как он смотрит и говорит! А фигура-то, фигура!..

— ...говорят, мол, переводим на сокращенный рабочий день...

— ...гусей опять сожгли, и яблоки подавили бульдозером...

— ...а вот нечего было с ним водку жрать!

— ...дура ты, ох и дура! Ничего не понимаешь в мужиках...

Он вошел в воду, забрызганный кинувшимися следом подростками,

которые с громкими и крайне неприличными шутками, источаемыми ломкими неокрепшими басками, принялись тотчас гоняться друг за другом.

В прибрежных волнах было тесно. Плескались тут, визжа и хныча, совсем маленькие дети, сопровождаемые бдительными матерями и бабушками. Задумчиво стояли, погруженные по пояс, солидные господа, в то время как другие, широкоплечие и волосатые, широкими гребками устремлялись по направлению к далекому правому берегу. Входили в воду и выходили из нее стройные девицы в купальниках, которые пробуждали у скоромного бывшего сантехника непривычные шальные мысли. Играли с мячом хмельные да крахмальные женщины зрелого возраста...

Удивительно, но недалеко от купального места стояли и рыбаки, философически глядя на водную рябь. Более опытные (или — состоятельные?) их коллеги маячили в отдалении на надувных лодках.

Сапожкин изыскал возможность пробиться от берега через разгоряченные мокрые тела к свободному от них водному местечку и несколько раз окунулся. Вода здесь была прозрачной, и в ней видны были стайки мелких шустрых рыбок, суетно гоняющихся друг за дружкой.

Он нырнул еще раз и сделал под водой несколько гребков. Благодать! Теперь можно возвращаться к любимой книге!

Снова стали слышны обрывки диалогов, и — странная штука — не касались они того, о чем каждодневно без усталости рассказывал телевизор: беженцев в Европе, Украины, НАТО, Сирии... Даже о Меркель и Трампе не говорили отдыхающие, предпочитая обсуждать отчего-то поведение знакомых подруг, Леонида Якубовича с его «Поле чудес» да учебные и спортивные успехи своих детей.

Откуда-то из-за кустов громко грянула песня: «Го-лу-бая лунааааа! Лунаааа... Го-лу-бая лунааааа! Голубаааааяяя...»

Бредя назад к покрывалу, Сапожкин продолжил изучать окружающих. Взгляд его выхватывал все новые и новые картины.

Матери с колясками, пришедшие из «Алых парусов», предпочитали располагаться в тени деревьев. Некоторые кучковались, создавая в некотором роде «коляскостянки».

Молодой отец учил сына лет трех-четырёх играть в футбол. Он аккуратно подкатывал мяч к ногам малыша, и тот с веселым смехом старался ударить по нему как можно сильнее.

На небольшом пятачке, совсем рядом с лежащими телами, компания из шести дам и джентльменов шумно и весело играла в волейбол. Они подзадоривали друг друга, делали эффектные прыжки, лихо размахивали руками, но периодически мяч пролетал мимо них и при этом иной раз даже шлепал по спине кого-то из возлежащих. Как успел понять Сапожкин, последним не всегда это доставляло удовольствие.

Три девчушки десяти-двенадцати лет лежали под грибом, увлеченно смотрели в новомодные мобильные средства связи и шарили по ним пальцами. Иногда из их юных уст раздавались краткие реплики, не всегда соответствующие традиционным понятиям нравственности.

Вообще же, обратил внимание Сапожкин, очень многие пляжные люди, а в особенности — женщины, оживленно и громогласно говорили по этим устройствам с незримыми собеседниками. И язык их также был далек от того, как изъяснялись тургеневские барышни.

Он возлег на покрывало и, вытерев им руки, снова взялся за книгу.

«— Стой, — закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и плаще. — Видел?

— Видел, чудная, совершенно Перуджинова Бианка.

— Да ты о ком говоришь?

— Об ней, о той, что с темными волосами. И какие глаза! Боже, какие глаза! Все положение, и контура, и оклад лица — чудеса!».

«Эк, ведь писал, право слово, — крикнул от избытка восторга Сапожкин, хотя крикать, лежа на животе, было непросто. — Вот мне бы так научиться, уж я бы развернул картины! Вот хоть взять этот пляж. Право слово, куда ни глянь, сплошь характеры! И каждый живет своей, одному ему ведомой жизнью. Вот она, матушка-Русь, во всей своей красе-полноте, несется вскачь, и, так сказать, поворачиваются в изумлении племена и народы!»

Он стал снова внимательно озирать окрестности.

Был уже первый час, самый жар, и народ на пляж все прибывал и прибывал.

По-прежнему лежали на солнцепеке, лишь изредка переворачиваясь со спины на живот, мощно-упитанные дамы, а те, что стояли к светилу передом с закрытыми глазами и растопыренными руками, лишь развернулись к нему другой стороной тела да заложили руки за голову.

По-прежнему конспиративно сидели порознь в кустах одетые двое господ, к которым еще добавилась пара им подобных.

Интеллигентная троица, ранее бликовавшая в отдалении бутылками и стаканами, теперь не сидела уже кружком в оживленной беседе, а спокойно и мирно лежала, уронив головы в песок.

«Отдыхают труженики», — подумал Сапожкин и продолжил наблюдение.

Недалеко от него устроилась новая компания: семь девочек-подростков. Две из них фотографировали друг-другу на пресловутые «мобилы», а пять других, разделившись на две группы, напрягали силы в попытке что-то растянуть. Они кричали и неумело матерились. Присмотревшись, он понял, в чем дело. Выходило, что девки принесли на берег винную бутылку с деревянной пробкой в горлышке, ввинтили в пробку штопор и решили ее открыть, да по слабосильности не умели этого добиться поодиночке. Вот и пришлось им — двум с одной стороны, да трем — с другой — попытаться совместными усилиями вскрыть сосуд греха.

Ну, прямо, какая-то мопассановская распущенность!

«Эх, падает нравственность, — отметил про себя Сапожкин. — Нет уже теперь наташ ростовых да пушкинских татьян! Что-то мы утратили за минувшие столетия! Книг не читают, зато все с телефонами, болтают беспрерывно: в любую маршрутку зайдешь — только этим и заняты. Да еще в уши воткнут провода, и млеют. А нет чтобы с томиком Блока или Некрасова посидеть!»

Со стороны парка вышли и неторопливо направились в самую гущу отдыхающих две девицы лет двадцати. Он невольно проследил за ними взглядом, и немудрено! Красотки были хоть куда, явно знали себе цену, и дай Бог, конечно, ошибиться! — были не против получить дозу высоко-го мужского внимания.

А рядом возникла, будто из небытия, одетая в темное старуха и окинула внимательным взглядом Сапожкина, а в большей даже степени — его покрывало. В руках у нее были огромные черные пакеты. Подойдя к пенсионеру почти вплотную, она молча и решительно подняла чужую

большую пластиковую бутылку, что оказалась отчего-то рядом с ним, и сунула ее в пакет.

«О, люди, порождения ехидны, — вспомнилась ему фраза из чеховского рассказа «Роман с контрабасом». — И зачем вы так загрязняете природу! Неужели нельзя мусор уносить с собой?!»

«Порождения ехидны» между тем продолжали отдыхать.

Стояли и прохаживались неспешно по песку оплывшие-обвисшие красавицы и красавцы времен давно минувших; кричали громко матери, призывая вернуться купающихся детей; приходили и устраивали лежбища поодиночке и парами все новые и новые лица женского пола, вокруг которых спустя небольшое время словно бы из ниоткуда возникали и устраивались мужские особи...

Проволок по песку велосипед и прислонил его к дереву спортсмен в обтягивающих черных лосинах. Раздеваясь, он умело пружинил мышцы спины, элегантно катал на руках бицепсы; даже издалека впечатлили Сапожкина его упругие ягодички. Закончив подготовительные процедуры, веломастер развернулся лицом в сторону воды, и замер в элегантной позе нарцисса.

«Ягодичник», — мысленно окрестил его Сапожкин.

Пришла и стала надувать матрац молодая и счастливая парочка, вероятно, будущие муж и жена.

С рюкзаками за плечами появились трое юнцов и, сбросив одежды, ринулись к воде.

Идиллическая семья — дед, бабуля, дочка и внучка — просеменили под тень кустов, и долго освобождали место от имеющегося там мусора...

— Извините, прикурить не дадите? — раздался сверху вдруг ласковый голос.

Повернув голову, Сапожкин увидел в двух шагах от себя опрятного гражданина лет сорока, интересного тем, что на теле его (и даже на ногах!) не было никакой растительности. Голову его, впрочем, украшала тщательно уложенная прическа, а ухо — серьга. Примечательными были его плавки — минимальные по размеру, они в то же время отливали каким-то редкостным перламутром.

— Нет, не курю, — извинился Сапожкин.

— Жаль, жаль, — нараспев продолжил *плавочник*. — Я вот тоже хочу бросить... Какие замечательные у нас пляжи, не правда ли? А времени сейчас сколько, не подскажете?

Настойчивость незнакомца не понравилась скромному пенсионеру. В конце концов, он ведь не затем пришел на пляж, чтобы общаться, сколько времени!

— Не знаю, — ответил он. — Я, простите, занят — книгу читаю. Гоголь.

— Жаль, жаль, — снова пропел *плавочник*. — Странно...

Он томно и печально оглядел Сапожкина и, развернувшись, побрел назад.

Становилось жарче, и Сапожкин вновь решил окунуться. Ближайшее к воде песочное пространство уже было плотно занято людьми, так что приходилось ступать между ними аккуратно, дабы не повредить ногой чью-нибудь руку или голову. Народ вел себя раскованно и вел громкие беседы, совершенно не смущаясь ближним соседством незнакомцев и маленьких детей:

— ...она, слышь, Таня, все никак вес не сбросит, хи-хи!

— ...надо зерном пророщенным питаться, как Белянчикова советует. Клизму ставить регулярно...

— ...Малахов огурцы от геморроя советует вставлять...

— ...сразу по зубам. И еще, говорю, получишь, если...

— ...ты себя-то не забывай, наливай по полной!

— ...я что, по-твоему, не вижу?!

«Грубоват, ох, грубоват наш народ, — думал с огорчением Сапожкин. — Вот у Михалкова в фильмах даже ругаются, и то культурно...

В компаниях наступило время обеда, и на покрывалах-подстилках были щедро расположены закуски и напитки. Это пиршество духа сопровождали взрывы хохота, к которым примешивались еще радостные крики плещущихся детей, да несшаяся громовая песня из принесенного кем-то радиоприбора: «А на последнюю пятерочку куплю я тройку лошадей, и дам я кучеру на водку, эх, погоняй, брат, поскорей!..»

Вступив в «море», он отметил, что вода стала мутной и теплой; теперь в ней уже не видно было стаяк мелких пронырливых рыб, заметно прибавилось купальщиков, а вот рыбаки исчезли.

Освежившись, он вернулся на место и с неудовольствием обнаружил, что совсем рядом с его покрывалом — всего в каком-то метре — устраиваются две матери средних лет с двумя же дочками-малолетками. Дочки визгливо покрикивали, матери вели задушевный бабий разговор о козлах-музьях, и он понял, что теперь уже не до Гоголя и надо искать новое место.

Вздохнув, собрал вещи и, не одеваясь, побрел вдоль берега в поисках лучшей доли. Раскаленный песок обжигал ступни, пекло неимоверно, и он вновь поразился героизму тех, кто расположился на открытом солнце.

На одном из бревнышек в тени прибрежных ив сидели двое — лицом к воде, и вели столь интересный диалог, что Сапожкин, проходя мимо за их спинами, поневоле прислушался и даже чуть подзадержался, делая вид, что ищет местечко для обустройства.

Граждане, похоже, расположились основательно и уже давно. На бревнышке под чресла они положили для мягкости снятые одежные принадлежности, а перед голыми телами их была расстелена — как краем глаза углядел Сапожкин — газета. На ней были установлены прозрачная алкогольная бутылка, пара пластиковых стаканчиков, открытая банка кабачковой икры, а также размещались нарезанные куски батона и колбасы.

— Пойми, Саша, — говорил тот, что был на вид (хоть и со спины) постарше, — нужно больше позитива. Ты вот и снимаешь, и пишешь хорошо, но как прочтешь — так жить не хочется! Побольше духовности, друг мой! В российской деревне любая старуха духовней западной в сто раз!

— Так выходит, — оправдывался более молодой собеседник. — Вроде и хочется о чем-нибудь хорошем, как в песнях какой-нибудь Надежды Бабкиной, или там, допустим, Ефремова — про торжество коммунизма... А посмотришь вокруг, и получается опять Салтыков-Щедрин!

«Не иначе — журналисты», — подумал Сапожкин. Он никогда не общался с работниками средств массовой информации, и потому был крайне заинтригован. Может, они вообще из Москвы или Петербурга приехали? С телевидения? Из газет?

— Я понимаю, Саша, — продолжил увещевания старший коллега, — но ведь во всем можно увидеть хорошее! Бери пример с Первого канала!

У всякого явления есть две стороны, в конце-то концов! Например, возьмем, к примеру, повышение пенсионного возраста... Кажалось бы, это — плохо. А если под другим углом глянуть, а? Это — продление активного образа жизни! До ста лет дворником работать, а? Понимаешь?

— Понимаю, — промямлил молодой. — Только не получается. Кстати, если классиков копнуть, то у них оптимизма тоже не найдешь. Помнишь, как Пушкин писал, мол, эх, догадал же черт родиться мне в России? А Лермонтов: прощай, немытая Россия. А у Достоевского — сплошные смерти и убийства, а у Гоголя — «Мертвые души»... И где там оптимизм?

«Эх-ма, — подумал Сапожкин, — а ведь и верно, маловато радости у великих. И Анна Каренина под поезд бросилась...»

Он побрел дальше, услышав напоследок жизнерадостный голос молодого:

— Ну, Анатолий Васильевич, за оптимизм!..

Вдоль берега пригодных для отдыха безмусорных участков, увы, не осталось. Пришлось идти в отдаление от воды — к оазисам, образуемым деревьями и кустами, что отделяли пляж от парка «Алые паруса».

На новом месте среди кустов было гораздо тише. Грязновато, конечно: видно, кто-то костер разводил — ишь, чернота от угольев осталась. И ветерок едва долетает... Конечно, здесь жарче, но что же делать? Не домой же по пеклу тащиться? Там-то, вообще — Сахара! Придется просто чаще ходить в водоем, подумал Сапожкин.

Зато поблизости никого, кроме скромного человека в кустах, нет. *Кустовик*, так сказать.

Он снова принялся за чтение, и некоторое время, полностью отдавшись гоголевскому миру, провел в покойном расположении духа. Он дошел неспешно до текстового куска на странице четыреста двадцатой:

«Между тем Пирогов слегка наклонился и с свойственной ему приязнностью сказал:

— Вы извините меня...

— Пошел вон! — отвечал протяжно Шиллер...»

И в этот момент совсем рядом с Сапожкиным раздался такой же точный женский возглас: «Пошел вон!», который еще и немедленно повторился.

«Эка беда, — вздрогнул от неожиданности Сапожкин. — Что тут происходит?»

Он оторвал глаза от книги, и — вовремя!

Прямо перед его носом промелькнул *тот самый, скромный «кустовик»*. Он обсыпал лицо Сапожкина песком, едва не задев по голове ногой, и молниеносно скрылся в зарослях.

Бог ты мой, что творится!

Первым делом отчего-то пришла мысль: а сколько времени?

Он достал часы.

Половина третьего. Пойти еще раз в воду? А что с одеждой и книгой? Не утащат?

«Ходят тут разные, а потом плавки пропадают», — вспомнил он слышанную когда-то в детстве фразу.

Оглядевшись, успокоился. Нет, кажется, риска утратить одежду не было. Оказывается, пока он был углублен в Гоголя, не слишком далеко под деревом расположилась почтенная пожилая супружеская пара на

принесенных раскладных стульчиках. Муж читал газету, а благообразная спутница его, стоя, со вниманием рассматривала пляжные окрестности.

Также поблизости лежали на животах и болтали ногами две девочки лет десяти, скромно и тихо изучающие свои электронные средства связи.

Подальше расположилось рядом со стоящими тремя велосипедами семейство: атлетичный молодой мужчина, не менее атлетичная молодая женщина, и — очевидно — юный сын их.

Поворотив голову, обнаружил Сапожкин и одинокую брюнетку цветущего возраста, которая натиралась каким-то средством. Вероятно, это именно она издала напугавший его крик. Перед ней на покрывале лежала раскрытая книга.

За ее спиной виднелись играющие в бадминтон юноша и девушка.

Людей вокруг хватало, так что он с легким сердцем отправился освежиться, отметив при этом крайне отрадный факт: со стороны высокого правого берега, из-за стоящих там многоэтажек, небо робко заполняли облака. Облака имели цвет от серого до темно-серого и несли в себе обещающие прохлады.

Похоже, и пик сегодняшнего пляжного наплыва прошел, потому что меньше стало молодых мам с колясками, уже видны были кое-где одевающиеся люди, и раздавались возле воды напряженные женские крики: «Выходи, кому говорю, пора домой!», сопровождаемые скрежещущим детским плачем...

Разговоры в компаниях, что находились возле кромки воды, стали более экспрессивными, дамский смех — громче и визгливей, а число *тех (стоящих в неподвижности с раскинутыми руками)*, заметно сократилось.

Впрочем, волны, ставшие почти горячими, продолжали кишеть многолюдством.

Задумчивый длинноволосый бородач в джинсах и с обнаженным торсом осторожно трогал ногой воду, бормоча:

— Крым, конечно, хорошо, однако Ницца лучше.

Худая бабуля в сползающем бикини, стояла по колено в воде и пугливо озиралась по сторонам.

Девушка, покрытая многочисленными цветными татуировками, кокетливо хихикала, заходя в воду и опираясь при этом на здоровяка с громадным крестом на густоволосой груди.

Сгорбленный старик учил маленькую внучку плавать, аккуратно поддерживая ее на поверхности...

Сапожкин торопливо освежил тело нырянием и вернулся к лежбищу, поскольку все же побаивался за сохранность вещей.

Он снова возлег на живот, но читать, однако, передумал. Внимание его привлекли вороны, что важно расхаживали по песку, подбирая остатки пищи. Вот и еще одна спикировала плавно, демонстрируя филигранное мастерство.

Ворона, птица мудрая, подумал Сапожкин, вспоминая Крылова. Живет долго, видит сверху много, и, ох, как понимает жизнь! Впрочем, только ли ворона? А другие птицы-звери?

Действительно, кроме ворон бегали тут и воробышки, охотясь за крошками, а вдали пара собак внимательно изучала свободное пространство. Недалеко голубь гонялся за голубкой, а еще один подбирался осторожно к Сапожкину — возможно, в надежде получить угощение.

Громный мир раскрывался во всех своих неожиданностях перед бывшим слесарем-сантехником.

Бабочка села прямо перед ним, неторопливо раскрывая и закрывая крылья. На покрывало к нему робко заползали муравьишки, а с ветки спускался на ниточке паучок. Дальше, в траве за ней, углядел Сапожкин бегущего куда-то по своим важным делам блестящего черного жука...

Пляж существовал не только для людей: это была целая Вселенная, которую населяли и братья наши меньшие, и насекомые!

В небе громынуло. Подняв глаза, он удивился: тучки, еще недавно лишь обозначившиеся за домами правобережья, уже заняли шестую часть небосклона. Они стали темнее, и продолжали вполне заметное движение по небу.

Некоторые пляжники начали одеваться. Где-то за кустами возникла и стала быстро приближаться песня; вскоре громовое завывание, сопровождаемое нетрезвыми мужскими голосами и бабьими хихиканьями, оказалось совсем рядом, а потом стало удаляться.

«Отпуститееете меня в Гималаааааииииии!..» — надрывалась незнакомая певица.

Когда голос ее затих окончательно, Сапожкин с облегчением вздохнул и вернулся к Гоголю:

«Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту. Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!»

— Интересно, что вы читаете? — услышал Сапожкин женский голос, явно обращенный к нему.

Он поднял голову и сконфузился.

Перед ним стояла та самая дама, что резким двойным возгласом: «Пошел вон! Пошел вон!» недавно пуганула странного субъекта, каковой, в свою очередь, убегая, обсыпал песком сапожкинское лицо.

Симпатичная стройная незнакомка была уже одета — в белую футболку и голубые короткие шорты. В руках у нее были два полиэтиленовых пакета: из одного — с фотографией Эйфелевой башни и иностранной надписью — торчало свернутое покрывало; а другой пакет — большой и черный — судя по выпуклости, содержал литровую бутылку из-под минеральной воды.

Наверное, выпила всю, с неожиданной пронизательностью подумал Сапожкин.

Надо было, однако, отвечать и, поднимаясь с локтей, он пробормотал: — Гоголь. Николай Васильевич.

И, привставая из вежливости (как-никак, беседовать с дамой лежа неприлично!), добавил:

— «Невский проспект».

— А-а, — протянула она с легкой улыбкой, — я почему-то так и думала, что не будет такой человек читать ерунду. Что-то я Вас тут раньше не видела?

Она говорила с Сапожкиным легко и непринужденно, словно знала его давным-давно, и этот дружелюбный тон внезапно успокоил его; он утратил обычную природную робость, которая всю жизнь сопровождала его при общении с противоположным полом. Даже то, что она была оде-

та, а он — почти что нагой, как-то не показываясь ему важным. Ну, и что, что не совсем одет? Это ведь пляж, а не читальный зал!

— Да, я сегодня здесь в первый раз, — произнес он ровным голосом. — Жарко, вот и решил искупаться.

— И заодно почитать?

Странно, но она не собиралась уходить.

— Да я, знаете ли, люблю книги. Всю жизнь, можно сказать, читаю их. Но обычно — дома или в читальном зале. А сегодня на пенсию вышел...

— А-а, так Вы пенсионер?

— Да, с сегодняшнего дня. В квартире, видите ли, жарко... А Вы, я извиняюсь, что же, часто тут бываете? — удивительным образом осмелел Сапожкин, причем, до такой степени, что решился даже задать незнакомке вопрос!

— Бываю. Когда есть время. Я ведь, можно сказать, тоже пенсионерка, правда — в отпуске.

— Как это «пенсионерка в отпуске»? — не понял Сапожкин.

— Да все очень просто. Мне пятьдесят пять в июне исполнилось, я решила продолжать работать. Ну, а пока у меня отпуск. Я врачом работаю детским. Педиатром.

Он удивился:

— А зачем же работать, если пенсию дали?

Дама пояснила вежливо:

— Ну, на одну нашу пенсию не проживешь.

И тут Сапожкин сделал самый отчаянный шаг в своей жизни. Она ему понравилась, это незнакомая красивая брюнетка, и он решился:

— А как Вас зовут?

— Наталья, — просто ответила она. — А Вас?

— Меня? — он смутился и стал лихорадочно вспоминать: действительно — как?

Случился совершенный конфуз, поскольку собственное имя вдруг напрочь вылетело у него из головы.

Он покраснел и несколько секунд стоял, разинув рот и глупо хлопая ресницами.

С «моря» налетел внезапный порыв ветра, да такой, что поднял с пляжа песчаную пыль. Сапожкин обернулся машинально, и увидел, что тучи, возникшие над правым берегом, заняли уже полнеба и вот-вот закроют солнце. Они приобрели тяжелый серо-синий цвет и явно обещали дождь.

— Алексеем меня зовут, — вспомнил Сапожкин, оборачиваясь к собеседнице.

— Ну, вот и познакомились, — снова улыбнулась она.

Хорошая у нее была улыбка — добрая и бесхитростная.

— А Вы тоже читать любите? — удивляясь на свою решительность, спросил ее Сапожкин.

— Да. Обожаю Булгакова, например, — произнесла она и, глядя на надвигающиеся тучи, процитировала с необычайной легкостью:

«Хлопнула во втором этаже рама так, что чуть не вылетели стекла, в вершинах кленов и лип тревожно прошумело, потемнело и посвежело. Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желтобрюхая грозовая туча. Вдали густо заворчал».

— Ого! — восхитился он. — Здорово!

— А Вы грозы не боитесь, Алексей? — спросила она. — А то, смотрите, люди-то стали собираться...

Наталья указала рукой, и, обернувшись, он обнаружил: что, да, действительно, почти вся пляжная публика пришла в движение и одевается. Некоторые энтузиасты, впрочем, продолжали купаться.

— Так что ж, уходить? — растерянно спросил он у Натальи.

Уходить — это значило прекратить с ней разговор, а вот этого-то ему уже и не хотелось.

— Ну, если не боитесь промокнуть, можете остаться, — ответила она. — Но, мне кажется, минут через двадцать может начаться ливень.

Словно в подтверждение ее слов снова громыхнуло в отдалении, и новый шквал ветра ударил песком в спину Сапожкина.

— Да, да, — сокрушенно произнес он. — Сейчас я оденусь. А вы?..

Она улыбнулась опять:

— А я уже одета, Алексей. Если хотите, можете мне помочь — мы еще успеем.

— Помочь?

Она чуть вытянула перед собой черный пакет:

— Да. Я, когда ухожу, стараюсь убирать мусор не только за собой. Знаете, многие, к сожалению...

— Да-да, — торопливо натягивая брюки, подтвердил Сапожкин, — я заметил. Столько мусора оставляют. «Порождения ехидны», как Чехов писал.

— Ну вот, кто-то же должен это делать. А иначе все превратится в одну большую помойку. Верно?

«Черт побери!» — не сдержавшись, воскликнул про себя Сапожкин. Какая, однако, женщина! А он-то, он! всю жизнь только менял краны, да читал книги. На пенсию вышел, и — доволен. Эх...

— Я помогу, конечно, помогу. Я бы и сам... Просто, раньше я сюда не приходил, не знал, — забормотал он, торопливо складывая покрывало. — Я теперь... Я теперь каждый день буду сюда приходить!

— Вот и замечательно, — подбодрила она. — Значит, будем встречаться. Одевшись и уложив в сумку покрывало с «Петербургскими повестями», он двинулся следом за Натальей к ближайшим брошенным кем-то пустым пластиковым бутылкам. На ходу он еще ловко подхватил и какую-то полуразорванную картонную коробку.

Гроза была близко. Потемневший воздух осветился, а затем громыхнуло так, что отовсюду раздалось паническое карканье ворон.

Сапожкин с Натальей наполнили пакет и поспешили в сторону «Алых парусов», где виднелись мусорные баки. Во время нехитрой работы по сбору мусора они успели перебраться еще несколькими фразами и, удивительное дело, Сапожкин полностью утратил робость перед женщинами и даже почувствовал себя в некотором роде Онегиным или даже гоголевским Пироговым.

— А сегодня Вы что читали, интересно? — спросил он Наталью.

— Довлатова. Обожаю его. Совершенно бесподобный стиль. Читали?

— Не успел еще. Знаете, я пытаюсь всю классику охватить. Начиная с античных времен. Дошел до начала двадцатого века, но дальше поэтов Серебряного века еще не продвинулся. Нет, ну, Булгакова, конечно, прочел.

— Понятно. А я вот, наоборот — больше современников люблю. Шукшин, Искандер, Бродский... Бродский с Довлатовым очень дружили.

Они выбросили пакет с мусором в сборный ящик и шли уже к выходу из парка «Алые паруса».

Небо между тем совсем потемнело, и дождь мог ударить с минуты на минуту. После очередного мощного ветряного порыва крупные редкие капли уже падали на асфальт.

— Смотрите, вон там можно переждать дождь, — показала Наталья на летнюю эстрадную площадку с крытой полусферой для оркестра. — Бежим!

Они побежали к укрытию под нарастающий дождевой шум и успели вовремя. Стоя под крышей, зачарованно наблюдали, как могучей стеной ливень низвергался с высоты, принося долгожданное облегчение природе.

Жара ушла.

— А что вы говорили про Довлатова? — спросил Сапожкин Наталью. — О чем он писал?

— Ну, мне кажется, если коротко: о нашей жизни. Сегодня перечитывала «Компромисс». В одном месте он замечательно написал: *«В этой повести нет ангелов и нет злодеев. Нет грешников и праведников нет. Да и в жизни их не существует»*.

— О! — изумился Сапожкин. — А ведь и в самом деле... Знаете, я сегодня столько людей на пляже увидел... И все — разные. Был бы я писателем — такого бы наворотил!

— А кто Вам мешает? — спросила Наталья. — Я ведь почему на Вас внимание обратила? Обычно на пляж народ приходит просто время провести, позагорать, искупаться, поесть-попить, с детишками поиграть. А Вы пришли, пожалуй, единственный, и книгу читали. Читали, а не делали вид. Я ведь и сама книги обожаю. Вот Вас сразу и выделила.

— Понятно, — пробормотал он.

— Любите читать, а почему бы не попробовать писать?

— Так я же простой слесарь-сантехник, — покраснел Сапожкин. — Тем более на пенсии.

— Если на пенсии, значит, свободного времени много, — дотронулась Наталья до его руки. — Самое время писать!

— Ну, какой из меня писатель! — совсем смутился Сапожкин. — Этому же учиться надо. А я, извините, только по воде да канализации специалист. Вот Довлатов, он ведь, наверное, учился в институте?

— В Ленинградском, на филфаке.

— Вот видите! Это ж там, где Невский проспект. А у нас — провинция, глубинка, окраина...

— Знаете, как на эту тему написал Довлатов? — спросила Наталья. — *«Я думаю, можно быть провинциалом в столице и столичным жителем в тундре»*. А еще он добавил, что «провинция — явление духовное, а не географическое».

— А почему Вы решили убирать мусор за другими? — спросил Сапожкин.

— А я не решала, — ответила она. — Я так делаю всегда.

— А-а... — вдруг неожиданно для самого себя задал он еще один вопрос, — а-а... Вы замужем, Наталья?

Она улыбнулась (в который уже раз!) и ответила с удивительной искренностью:

— Нет, не встретила еще своего Мастера.

Гроза бушевала с невиданной силой. Сверкали молнии, и громы с ужасающим треском раскалывали небо...

А бывший слесарь-сантехник и нынешний пенсионер Алексей Алексеевич Сапожкин был в этот момент счастливейшим человеком на земле.

Странно, но, прожив на свете шестьдесят лет и прочитав сотни книг, кажется, впервые он понял, для чего появился на свет.

Ему показалось, что эта Наталья и есть та юная девочка, в которую был он влюблен первым детским чувством — вернулась к нему, пусть уже и в другом образе.

Сегодня они расстанутся, но завтра, даже если не будет жары, непременно встретятся на пляже. Просто, чтобы убрать мусор...

